

На правах рукописи

ЦИМБАЕВА
Екатерина Николаевна

**Поиск основ межконфессионального единства
в Российской империи XIX века**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре истории и теории исторической науки Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный консультант:

Пивовар Ефим Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Пивоваров Юрий Сергеевич, академик РАН, доктор политических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки в составе Российской академии наук «Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН», директор

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук (РАН)», главный научный сотрудник

Бокова Вера Михайловна, доктор исторических наук, Федеральное бюджетное учреждение культуры «Государственный Исторический музей (ГИМ)», главный научный сотрудник

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет»

Защита состоится «19» декабря 2014 г. в 14:00 час. на заседании Диссертационного совета Д 212.198.07 при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, а также по ссылке в Интернете: <http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=11642>

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

Е.В. Барышева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Российская империя XIX века представляла собой государство с исключительно пестрым этническим и конфессиональным составом населения. На практическом уровне межнациональное (межэтническое) сотрудничество регулировалось в рамках конкретных регионов, но вопрос обеспечения идейного межнационального и межконфессионального единства не был поставлен на государственном уровне. Понятие «национальный вопрос» существовало, но практически отсутствовало в общественно-политическом дискурсе, прежде всего, по причине жесткого регулирования правительством медийного ландшафта¹.

Истоки проблемы лежали в идеологии Российской империи. Национальная принадлежность определялась не как фактор субъективной самоидентификации, а как совокупность объективных признаков – родного языка и вероисповедания, с преимуществом последнего. Даже во Всероссийской переписи 1897 г. отсутствовала графа «национальность». Во весь XIX век «национальность» понималась скорее как «этноконфессиональность», хотя сам этот термин не применялся. Поэтому проблема межнационального единства неизбежно превращалась в проблему этноконфессионального всеединства. Однако такая постановка вопроса не допускалась правительством.

Фактически единственной объединительной идеей оставалась монархическая. Уже первая составляющая основной государственной идеологии XIX века – теории «официальной народности» – игнорировала поликонфессиональный состав населения империи. В течение XIX века политические мыслители, юристы, представители так называемой «государственной школы» (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев и другие) немало труда

¹ См. например: *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. – Спб.: Изд. Кожанчикова, 1873. – 336 с.

положили на поиск основ *государственного* единства Российской империи, однако при этом государство рассматривалось в первую очередь как государство русского народа, государство монархическое и православное. На протяжении XIX века происходило ослабление имперской идеи, расцвет которой пришелся на время Екатерины II. Единение всех верноподданных вокруг трона становилось все более и более эфемерной идеей.

Отсюда происходил негативный образ центральной власти в глазах многих неправославных народов и рост сепаратистских настроений на национальных окраинах, где экономический подъем сопровождался появлением новых элит, недовольных правительственной политикой русификации, ограничения правоспособности в гражданской и экономической деятельности по религиозному признаку. Этносепаратизм создавал угрозу государственной целостности империи. В то же время революционные программы решения национального вопроса предусматривали кардинальное разрушение социального и политического строя, а часто и государственного единства.

Национальный вопрос в России сводился к проблеме обеспечения равных конкурентных возможностей в социально-экономической сфере для представителей всех национальных (этнических) групп и к решению этноконфессионального вопроса, причем оба были тесно связаны, т. к. дискриминация в империи шла не столько по национальному, сколько именно по религиозному признаку.

Обязательным условием неревolutionного разрешения этноконфессионального вопроса являлось сохранение государственной целостности Российской империи и сложившегося политического и сословного строя, что не исключало ликвидации крепостного права и предполагало осуществление комплекса реформ, направленных на ликвидацию основ социальной нестабильности.

Решение задачи консолидации народов и вер при сохранении существующего государственного строя и нерушимости границ империи взяли

на себя представители общественной мысли XIX века, стремившиеся выйти за пределы жестких рамок правительственной идеологии, но не принимавшие революционных методов решения общественных вопросов. В краткосрочной или долговременной перспективе это могло бы привести к образованию тех или иных идеологем или образов нового этноконфессионального мышления, соответствовавшего потребностям конструирования имперской общности. Можно утверждать, что подходы к формированию идейной основы межнационального единства Российской империи через изменение межконфессиональных взаимодействий существовали.

В данном исследовании изучен процесс поиска идейных основ укрепления межнационального единства в Российской империи XIX века через конструирование межконфессионального единства при сохранении существующего государственного и общественного строя и территориальной целостности страны.

Идеология конфессионального всеединства не стала составной частью общественно-политического дискурса XIX века. Однако констатация этого факта требует конкретно-исторического осмысления: идет ли речь об изъянах в самих выдвинутых авторами идеях, или в их исторической несвоевременности, в случайных факторах или в том, что власть осознанно их отвергала, как подрывавшие основы легитимации существующего режима.

Наиболее важным представляется вопрос о наличии или отсутствии принципиальной возможности решения проблемы сохранения межнационального единства в условиях этноконфессиональной структуры Российской империи XIX века без коренных социальных преобразований. Действительно ли невозможно было основать и сохранить единство государства при данных исторических условиях? Могли ли предлагавшиеся проекты, будь они поняты и приняты в нужное время, помочь сохранению стабильности государства, предотвратить не только этносепаратизм, но и революции?

В настоящее время проблема идеологической консолидации и просто сохранения государственной целостности многонациональных государств с исторически сложившейся поликонфессиональной структурой компактно проживающих этносов остро стоит во многих странах, в том числе на территории постсоветского пространства. В этих условиях изучение предшествующего исторического опыта становится особенно актуально, в частности для выяснения перспективности тех или иных путей решения аналогичных проблем.

Объектом исследования является идеология межконфессионального единства Российской империи XIX века, отраженная в политических проектах, публицистических сочинениях и произведениях классической русской литературы.

Предметом исследования являются проекты и планы конструирования межконфессионального (этноконфессионального) единства, выдвинутые представителями общественной мысли и литературы России на протяжении XIX века, опирающиеся на признание безусловной обязательности сохранения существующего политического и общественного строя без разрушения территориальной целостности страны и направленные на предотвращение социальных революций и национального сепаратизма при соблюдении интересов различных народов, религий и сословий империи. Собранные воедино проекты, предложенные выдающимися представителями общественной мысли России, в том числе русскими литераторами как ключевыми фигурами общественного дискурса, позволяют в их совокупности проследить историческую эволюцию подходов к решению задачи организации межнационального единства Российской империи при сохранении как ведущего критерия межконфессионального единства.

При использовании термина «проект» он понимается как система сформулированных, ограниченных определенным периодом времени целей, направленных на достижение результатов, которые удовлетворяют заданным

критериям, в том числе критериям, основанным на свойстве «уникальность», что соответствует значительной части изученных идейных концепций и планов и в то же время опирается на терминологию XIX века.

Хронологические рамки исследования охватывают весь XIX век как период наибольшего внимания к проблеме межконфессиональных отношений как средства преодоления национальных противоречий. Структура работы отражает этапы эволюции правительственной идеологии в конфессиональной сфере и их отражения в альтернативных проектах, выдвинутых независимыми представителями общественной мысли. Дальнейшая история России, связанная с приближением русских революций, поставила конфессиональный и национальный вопрос принципиально иначе, поэтому даже деятельность таких лиц, как Л.Н. Толстой должна уже соотноситься с проблематикой предреволюционной эпохи в той части, где она выходит за хронологические рамки исследования.

Теоретические и методологические основы исследования. Поскольку все национальные, социальные, конфессиональные вопросы рассматриваются автором не столько как объективные явления, сколько как восприятия реальности определенными, зачастую ограниченными и тесно взаимосвязанными группами лиц, наиболее перспективно использование *историко-антропологического подхода*, в рамках которого ставится задача реконструкции субъективной реальности, которая определяла стиль и содержание эпохи, характер отношения людей к жизни, их самосознание. Таким образом, исследуется картина мира, складывающаяся в сознании людей и находящаяся нередко в довольно опосредованной связи с реальной действительностью. В ходе этого процесса отдельный опыт конкретных участников общественного дискурса подвергается фильтрации многочисленными и разнообразными коммуникативными процессами и средствами и образует составляющие части системы так называемых «символических порядков».

В качестве дополнительного теоретического принципа используется подход *гендерной истории*, связанного с введением гендерного анализа. Он находится в теснейшей связи с проблемой национальной идентификации через введение понятия «гендерный строй». В XIX веке женщины, даже господствующего класса, являлись в России социальным меньшинством, поэтому острее мужчин своей социальной группы ощущали проблемы иных социальных меньшинств в государстве (в том числе национальных и конфессиональных). Такое положение приводило к значительной роли именно женщин в ряде общественных движений России, в том числе пропаганде религиозного всеединства.

Также автор использует направление под условным наименованием «*история проигравших*», восходящее к книге английского специалиста И. Морриса «Величие неудачи», а позднее поддержанное японским историком Масауки Сато. В основе этого подхода лежит интерес не к победителям, а к проигравшим: изучение не причин, которые предопределили торжество победителей, а причин, определивших неудачу проигравших по их вине. Предлагавшиеся проекты укрепления межконфессиональных отношений дают материал для подобного анализа.

Особой проблемой является использование художественных произведений как исторического источника, что в теоретико-методологическом плане рассмотрено в параграфе «Русская художественная литература как исторический источник» раздела «Обзор источников».

Кроме общетеоретических подходов, в работе использованы специальные методы исторической науки: *многофакторный анализ*, многократно рекомендованный как наиболее актуальный для современной исторической науки на последних Всемирных конгрессах исторической науки, организуемых Международным комитетом исторических наук (CISH); сравнительно-исторический анализ, историко-типологический, историко-генетический, хронологический методы, в совокупности позволяющие проследить генезис,

эволюцию и взаимосвязь рассматриваемых процессов в общественной мысли. Наконец, выявление глубинных причинно-следственных связей между экономическими, социальными и культурными факторами требует обязательного применения принципа *историзма*, важного для уяснения роли национального и конфессионального вопросов в системе социально-экономического и политического строя России XIX века.

Работа носит *междисциплинарный характер*, так как отдельные аспекты исследования заходят в область экономической истории (Глава вторая), философии и религиоведения (Главы четвертая – шестая), литературоведения и истории литературы (Глава седьмая).

Степень изученности темы. В историографии отсутствуют исследования, рассматривающие тему создания основ межнационального единства Российской империи XIX века через создание межконфессионального единения. Вместе с тем возможен комплексно-тематический анализ историографии отдельных вопросов, связанных с проблематикой настоящего исследования.

Проблема выявления основ единства многонационального государства, соотношение гражданского национализма и этнонационализма относится к одной из дискуссионных в историографии. В теоретическом плане она рассматривается в работах Б. Андерсона, Д. Дарроу, в том числе в плане обоснования понятия «российская нация» в исследованиях Дж. Кадио, Ф. Хирша, А. Каппелера, в отечественной историографии – А.И. Вдовина, В.А. Тишкова, В.К. Кантора, А.И. Миллера и многих других. В указанных работах выявлены наиболее актуальные представления о понятиях «национализм», «этническая и этноконфессиональная идентичность», которые являются базисными в данном исследовании, а также проблема взаимоотношений правительственного центра и национальных элит.

Этноконфессиональное сознание в Российской империи XIX века. Методологические принципы этноанализа применительно к Российской империи XIX века, где национальная идентификация практически уравнивалась

с этноконфессиональной идентификацией, разрабатывались Ч. Стейнведделом, А.А. Комзоловой и др.

Этнические и конфессиональные проблемы на примере сложных в этноконфессиональном отношении территорий Западного края рассматриваются в работах Л.Е. Горизонтова, М.Д. Долбилова, а также Э. Тадена, А. Новака, Т. Уикса и др. применительно к русско-польскому пограничью.

В теоретическом плане проблема смены конфессионального сознания рассматривается в коллективной монографии «Антропология религиозных обращений»². Для данного исследования имеют значение попытки выявления ментального дискурса, возникавшего в периоды насильственного обращения в православие белорусов–католиков и украинцев–униатов (Д. Сталюнас, А. Смоленчук, С.В. Марозова, Е.Н. Филатова, А. Валицки и др.). Источниковая база заставляет исследователей обращаться преимущественно к отражению ментальных проблем через восприятие представителей русской бюрократии, общавшихся с широкими массами с иным этноконфессиональным мышлением. Аналогичная проблема стоит перед исследователями исламского самосознания, а также отражается в работах по мусульманскому, еврейскому вопросам в общественном дискурсе и политической практике России XIX века (Д.Ю. Арапов, А.К. Тихонов, Р. Кревс, Э. Кемпбелл, Дж. Клиер и др).

Историография, посвященная религиозной политике первой четверти XIX века. Одним из значимых факторов, определивших религиозную ситуацию эпохи Александра I и начало массовых переходов в католицизм, стало присутствие в России Ордена иезуитов, а также его политика в области образования (работы русских католиков П. Пирлинга, И. Мартынова, Авг. Голицына, позднее А. Му, П. Буду, Руэ де Журнеля, Ф. Шармо, Д. Экота, Д. Флинна и др.).

² The Anthropology of Religious Conversion / Ed. by A. Buckser and S.D. Glazier. – NY: Rowman & Littlefield Publishers, 2003 – 256 p.

В середине XIX века создавались серьезные исследования противоположного – антииезуитского – характера (Т. Гризингер, Д.А. Толстой, М.Я. Морошкин, Ю.Ф. Самарин, Н.И. Тургенев при участии его брата А.И. Тургенева). После огромного перерыва серьезное внимание истории влияния Ордена иезуитов в России стали уделять только начиная с 1990-х гг. В 2006 г. был издан сборник статей различных авторов по материалам представительной международной конференции³. Из католических проповедников в России XVIII – начала XIX века наибольшее внимание привлекал Ж. де Местр, литература о котором огромна (из последних работ: М.А. Дягтерева, Л.П. Карсавин, В.А. Мильчина, В.С. Парсамов).

История обращений русских православных в католицизм в начале XIX века в свете религиозной политики Александра I рассматривается Е.А. Вишленковой, Е.Е. Дмитриевой, Ю.Е. Кондаковым и наиболее подробно – С. Павоне⁴. Проблема мистицизма в русской религиозной мысли начала XIX века поднималась П. Аникиевым, а в последнее время – В.В. Кравченко, Н.И. Сидоровой и др.

Отношения центральной власти России к неправославным народам за пределами страны и внутри нее многократно становились предметом исследования (современные работы А.Н. Андреева, О.В. Серовой, Я.Н. Щапова, О.Ю. Васильевой, А.К. Тихонова и др.).

Историография, посвященная «Проекту Закавказской компании» А.С. Грибоедова сравнительно ограничена. Фактически только две работы были целиком посвящены изучению проекта: статья автора данной диссертации и статья О.П. Марковой, которая вводила в научный оборот новые источники и предпринимала попытку их анализа.

³ Россия и иезуиты. 1772–1820. /Под ред. М. Иглот, Е.С. Токаревой. – М.: Наука, 2006 – 341 с.

⁴ Pavone S. Una strana alleanza. La Compagnia di Gesu in Russia dal 1772 al 1820. – Napoli: Bibliopolis, 2008 [ma 2010] – 474 p.

Идеям соединения церквей посвящен сборник «Россия: история духовных движений» из многотомной серии «Словарь духовности». В работах Ф. Руло рассматривается полемика по богословским вопросам славянофилов и русских католиков. Религиозная философия России XIX – начала XX веков характеризуется в фундаментальном труде Г. Дамма, где в частности много внимания уделено Гагарину, Вл. Соловьеву и Чаадаеву⁵.

Жизнь и творчество отдельных представителей русского католицизма хорошо изучены в чисто биографическом аспекте. В 1913 г. Пирлингом была подготовлена подборка материалов «Князь Гагарин и его друзья» из архива Славянской библиотеки, опубликованная в 1995 г. Ф. Руло. Специально занимались Гагариным Ш. Клер, Д. Лайнхэн, Г. Реммерс, Р. Темпест, Дж. Бишонер и др. Биографии и взгляды других русских католиков изучали С.Л. Чернов (В.С. Печерина), А.А. Сиверс (Е.П. Балабина), В.Я. Френкель и В. Доров (кн. П.Б. Козловского) и др.

Попытка поиска причин интереса русского общества к католицизму предпринималась польским исследователем Б. Мухой, а из отечественных авторов А.В. Кирьяновым и Е.Е. Дмитриевой, наиболее полно итальянцем А. Тамборрой⁶.

Деятели русской религиозно-философской мысли – *П.Я. Чаадаев* и *Вл.С. Соловьев* – постоянно привлекали внимание историков. О Чаадаеве писали как в общих работах (З.В. Смирнова, В.В. Лазарев и многие другие), так и в проблемных исследованиях, например в сборнике «П.Я. Чаадаев: pro et contra»,

⁵ Podskalsky G. La Russie: histoire des mouvements spirituels. / G. Podskalsky, I.A. Minea, T. Špidlík, É. Behr-Sigel etc. Paris: Beauchesne, 1990 – 168 p.; *Rouleau F.* Ivan Kiréievski et la naissance du slavophilisme. – Namur: Culture et Verite, 1990 – 330 p.; *Dahm H.* Grundzüge russischen Denkens. – München: Berchmans-Verl., 1979 – 265 s.

⁶ Tamborra A. Chiesa cattolica e Ortodossia russa: due secoli di confronto e dialogo: dalla Santa Alleanza ai nostri giorni. Cinisello Balsamo (Milano): Ed. Paoline, 1992. – 466 p.

где были подняты многие дискуссионные вопросы интерпретации историософии и философии мыслителя.

Обобщающие исследования биографии и творчества Вл.С. Соловьева созданы А.Ф. Лосевым; ему посвящены работы Н.А. Бердяева, В.Ф. Асмуса, Н.Ф. Уткиной, С.Б. Роцинского и многих других. В сборниках «Поиски единства. Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем» и «Христиане и мусульмане: проблемы диалога» были опубликованы работы, посвященные интерпретации идеи всеединства⁷.

Отражение конфессиональных проблем в русской литературе затронуто в работах О. Соиной, А. Зорина, сборнике «Пушкин в русской философской критике». В сборнике статей «Христианство в мировой культуре» были опубликованы исследования о влиянии христианства на учение Л. Толстого, на творчество Достоевского, И. Тургенева, Гоголя, Пушкина, и в то же время работы о Вл. Соловьеве⁸.

Литература, посвященная творчеству и идеям *Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского*, необозрима. Среди публикаций последних лет, имеющих отношение к тематике данного исследования: монография И.В. Волгина; сборники статей «Достоевский и современность» и «Достоевский в конце XX века», где опубликовано несколько работ, сближающих философию Вл. Соловьева и идеи Достоевского, а также сравнительно-философские исследования нравственно-религиозных исканий Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева.

⁷ Поиски единства: Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем. – М.: Изд-во Библ.-богослов. ин-та Св. Ап. Андрея, 1997 – 176 с.; Христиане и мусульмане: проблема диалога. Сборник статей. – М.: Изд-во Библ.-богослов. ин-та Св. Ап. Андрея, 2000 – 580 с.

⁸ Пушкин в русской философской критике. – М., Спб.: Универс. книга, 1999 – 591 с.; Христианство в мировой культуре: Межвуз. сб. науч. тр. / М-во торговли РФ. Нижегород. отделение Филос. о-ва РФ. НГЦ/ Ред. Н.А. Багровников. – Н. Новгород: Ниж. ком. ин-т, 2000. – 335 с.

Авторы сборника «Л.Н. Толстой: pro et contra», а также И.В. Базиленко, В.С. Глаголев и другие многократно обращались к изучению религиозной системы Толстого. Два сборника статей специально рассматривают влияние христианства на русскую классическую литературу и одновременно степень участия русских писателей (от Карамзина до Толстого) в деле распространения христианских ценностей⁹.

Подводя итоги краткого обзора литературы вопросов, затронутых в данном исследовании, можно констатировать наличие многих работ, посвященных различным аспектам темы или персоналиям, однако общий подход к проблематике поиска межнационального единства в Российской империи через укрепление межконфессиональных связей, в том числе при участии представителей русской литературы как ведущих идеологов, в предшествующей историографии отсутствует.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление и анализ концепций межконфессионального единства, выдвинутых представителями общественной мысли России XIX века, для выяснения наличия принципиальной возможности решения проблемы укрепления межнационального единства в условиях конфессиональной структуры Российской империи XIX века как альтернативы его революционной ломке и этносепаратистским тенденциям.

В соответствии с поставленной целью, основными задачами исследования являются следующие:

– изучить потенциально возможные альтернативы конструирования межконфессионального/этноконфессионального единства Российской империи XIX века;

⁹ Христианство и русская литература. Сборник статей. – Спб.: Наука, 1994 – 397 с.; Русская литература XIX века и христианство. – М.: МГУ, 1997 – 383 с.

- установить хронологическую и идейную эволюцию выявленных подходов к конструированию межконфессионального единства;
- установить сравнительно-историческую взаимосвязь в решении проблемы межконфессионального единства внутри России и укрепления ее международных связей со странами как Запада, так и Востока через создание религиозного всеединства на политическом или ментальном уровне;
- показать взаимовлияние европейских и российских процессов конструирования конфессиональных/этноконфессиональных отношений в их связи с изменениями во внутренней политике и внешнеполитической ситуации;
- рассмотреть вопрос о степени «утопичности» проектов и рассмотреть причины возобладания противоположных им тенденций;
- выявить социокультурные, гендерные и ментальные характеристики представителей общественной мысли, в наибольшей степени озабоченных формированием межконфессиональной общности в России и проблемой создания религиозного всеединства.

Источники. При исследовании постановки и решения проблемы межнационального единства в общественной мысли Российской империи необходимо обращаться к обширному комплексу разноплановых источников. Автором избран комплексно-тематический принцип их характеристики.

Источники по истории обращений в католицизм первой четверти XIX века. Обращения в католицизм представителей русского общества начала XIX века совершались в русле религиозной политики Александра I, основополагающим документом которой стал Акт о Священном союзе, где была выдвинута мысль о возможности создания единой христианской нации. Акт стал одним из звеньев цепи, от начала до конца XIX века связывавшей разнонаправленные идеи организации межконфессионального единства. Существенно важны при этом не только политика, но и личные убеждения Александра I, дававшие повод заподозрить его в католических симпатиях, источники для изучения которых требуют переосмысления.

В 1800-е–1810-е гг. огромную роль в пропаганде идеи слияния церквей в России играл Орден иезуитов. Сочинения и письма его теоретика о. Розавена и знаменитые работы Ж. де Местра, связанного с иезуитами, также оказали определяющее воздействие на переход многих представителей высшего русского общества в католическую веру¹⁰. Помимо печатных сочинений де Местра, в работе были привлечены фрагменты его донесений в качестве посланника сардинского короля из Государственного архива Турина, предоставленные С. Павоне.

Характеристика и оценка общественных настроений в русском столичном обществе эпохи активных переходов в католицизм даны в записках о первой католичке графине Е.П. Ростопчиной, написанных ее внучкой Л.А. Ростопчиной, мемуарах дочери Е.П. Ростопчиной, Н.А. Нарышкиной; о салоне сестры Ростопчиной, кн. А.П. Голицыной, а также об обстановке в русском свете в связи с проповедью католицизма и ее восприятием обществом рассказывают мемуары гр. Ржевусской¹¹. Также данные источники раскрывают гендерный аспект русского католицизма.

Итогом этого процесса стало появление плеяды русских католиков 1810-х – 1840-х гг. обращения.

Источники из архива Славянской библиотеки Парижа. Жизненный путь русских католиков протекал, как правило, в эмиграции в разных европейских странах, преимущественно во Франции. Когда деятели старшего поколения

¹⁰ *Rozaven J.L.* Leisseques de. De la Réunion de l'Église russe avec l'Église catholique. Paris: H. Vrayet de Surcy. 1864. 314 p.; *Idem.* L'Église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe. – Paris: Rusand, 1822. – LXIII. – 464 p.; *Idem.* L'Église russe et l'Église catholique. – Paris: Plon, 1876. – 140 p.; *Maistre J.* Du pape. – Lyon: Rusand, 1821. 2e éd. 2 vol.; *Idem.* Les soirées de St. Pétersbourg, – Paris: Librairie grecque, latine et française, 1821; *Idem.* Quatre chapitres inédites sur la Russie. – Paris: A. Vatou, 1859 – 205 p.

¹¹ *Ростопчина Л.А.* Семейная хроника (1812 год). – М., 1912; изд. 2-е, испр. / М.: Тривант, 2011 – 240 с.; *M-me Nariskin.* 1812. Le comte Rostopcin et son temps. – S. Pétersbourg, 1912; *Rzewuska R.* Memoire de la comtesse Rosalie Rzewuska – Rome: typ. Cuggiani, 1950 – 3 Vol.

русского католицизма начали сходиться со сцены (С.П. Свечина, Е.А. Голицына, Г.П. Шувалов и др.), проблема сохранения их личных архивов была решена созданием в Париже в 1855 г. по инициативе князя И.С. Гагарина под эгидой Ордена иезуитов Славянской библиотеки (первоначальное название Славянский музей). Первым директором библиотеки стал сам Гагарин. К концу XIX века под руководством преемника Гагарина историка П.О. Пирлинга Славянская библиотека превратилась в одно из крупнейших на Западе собраний русских журналов, энциклопедий, книг по литературе, истории, религии.

В 2002 г. она была формально ликвидирована, книжное собрание переведено в Ecole normale supérieure г. Лиона. Однако наиболее ценная часть библиотеки и весь Архив остались в распоряжении Ордена иезуитов и в настоящее время перемещены в Париж, на rue de Sevres, 33.

Часть архивных документов, касающихся истории русского католицизма, уже введена в научный оборот. Ведущая роль здесь принадлежала журналу «Символ», существовавшему с 1979 г. по 2006 г.

Дневники и мемуары русских католиков имеют важнейшее значение для изучения их взглядов и причин перемены веры. Наиболее интересны дневник С.П. Свечиной, мемуары графа Г.П. Шувалова и Е.П. Балабина, мемуарная записка Ю.К. Астромова Гагарину, уникальное по аналитичности письмо Е.А. Голицыной к матери¹².

Первоклассным источником по истории католической мысли в России является автобиографическая заметка Гагарина и его дневник 1832–1842 гг., которые демонстрируют проникновение чаадаевских концепций в жизнь

¹² *Schouvalof G.* Ma conversion et ma vocation. – Paris: C. Douniol, 1859. – 471 p.; *Balabine E.* Histoire de le conversion d'un Russe à l'Eglise catholique.(SB, В. 64-8); Lettre du frère Julien A. au frère Jean G. (SB, Переписка Пирлинга, В. 14); Golitzyn E. Réponce aux objection de Maman (SB, В. 64-6)

молодого дипломата¹³. Среди оставшихся неопубликованными сочинений и черновиков Гагарина, посвященных вопросу взаимодействия церквей: «Размышления о демократии в Европе», «Униатская церковь» и др., а также копии из архивов Ордена иезуитов в Риме записок Гагарина генералам Ордена с планами введения православных обрядов в католическую службу.

Самое значительное место в наследии русских католиков занимает их переписка. Эта часть собрания наименее разобрана и состоит из нескольких тысяч слабо классифицированных писем, в том числе писем женщин к отцам-иезуитам.

Часть писем Гагарина – чистая публицистика (его полемика с Самариним и Киреевским в 1840-е гг., переписка с мужем его сестры С.П. Бутурлиным, его ответ на книгу гр. Ксаверия Браницкого «Славянские национальности», полный текст которого обнаружен автором данной работы)¹⁴.

Особое внимание при восстановлении биографий и взглядов русских католиков привлекает их переписка с родными, с друзьями, с братьями из других стран по деловым вопросам, с другими русскими католиками, европейскими и русскими учеными, писателями, редакциями российских и западноевропейских газет и журналов, директорами архивов¹⁵.

Наконец, в бумагах и гигантской переписке Пирлинга с кн. Л.Зайн-Виттгенштейн содержатся чрезвычайно важные сведения о русских «неокатоликах» рубежа XIX–XX веков.

¹³ *Gagarine I. Note sur mon histoire; Journal 1834–42* // См.: Вопросы философии – 1996 – № 7 – С. 138–146.; Символ. – 1994 – № 32. – С. 3–353; и 1995 – № 34 – С. 227–355.

¹⁴ Переписка С.П. Бутурлина с И.С. Гагариным, 1844 (SB, SV-9); Письма И.С. Гагарина Кс. Браницкому (SB, SV-9); Переписка частично опубликована в кн.: *Pierling P. Le prince Gagarine et ses amis.* – Paris, 1996 – P. 113–116.

¹⁵ SB, Серии: Архив Мартынова, Архив Пирлинга, CS.

Кроме Архива Славянской библиотеки, несколько писем Гагарина, Балабина, Свечиной и Печерина находятся в Рукописном отделе ИРЛИ¹⁶. Биографии русских католиков, состояние споров между православной и католической церквями освещены в материалах Остафьевского архива князей Вяземских и архива Тургеневых РО ИРЛИ¹⁷.

Публицистические сочинения по вопросам межконфессионального единства.

В начале правления Николая I А.С. Грибоедовым был предложен уникальный проект организации закавказского всеединства, источниковедческий анализ которого дан в Главе второй, поскольку тесно связан с аргументацией автора.

В 1830-е гг. важнейшее влияние на формирование идеологии вселенского единства в ее применении к истории и современности России оказали идеи П.Я. Чаадаева, известные почти исключительно по первому «Философическому письму». Пересказанные по инициативе А.И. Тургенева русским католиком князем П.Б. Козловским французскому путешественнику А.де Кюстину, они составили стержень скандально знаменитой «России в 1839 году» и определили восприятие его взглядов в России и Европе.¹⁸ Однако Гагарину чаадаевская концепция была известна не по публикациям, а по беседам с автором в 1835 г. Поэтому в данной работе используется все философское наследие Чаадаева,

¹⁶ Письма Гагарина. // РО ИРЛИ, фф. 265, 274, 497; Письма Пирлинга. // РО ИРЛИ, фф. 252, 497, 677; Письма Балабина. // РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3; Письма Печерина. // РО ИРЛИ, фф. 384, 678; Письма Свечиной. // РО ИРЛИ, ф. 66; Письма Джунковского. // РО ИРЛИ, фф. 34, 234; Материалы о судебном процессе отцов-редемптористов. // РГАЛИ, ф. 130.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 309, архив Тургеневых; Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. Т. IV. – Спб. 1899

¹⁸ *Custine A. de. La Russie en 1839. – Paris, 1843. Vol. I–IV*

имеющее принципиальное значение для понимания теории и практики Вселенской церкви, а также все его эпистолярное наследие¹⁹.

Первым печатным сочинением, с которого начинается попытка реализации на практике чаадаевских идей стала книга И.С. Гагарина «Будет ли Россия католической?». В то же время стало очевидно, что для серьезной пропагандистской работы недостаточно выпуска отдельных брошюр. В 1857 г. под эгидой Ордена иезуитов начал выходить журнал «Etudes de théologie, de philosophie et d'histoire», призванный последовательно проводить идею соединения церквей (продолжается по настоящее время под названием «Etudes»). Кроме «Etudes», Гагарин сотрудничал в «Le contemporain», «Etudes religieuses, philosophiques, historiques et littéraires» и др.

Одновременно с Гагариным большое внимание работе в периодической печати уделял его сподвижник И.М. Мартынов. На русском языке вышло единственное его полемическое сочинение – письмо редактору газеты «День» И.С. Аксакову, ответом на которое стала книга Самарина об иезуитах, в свою очередь на нее ответил Гагарин, но его письмо за прекращением «Дня» не было напечатано.

Авг. Голицыным, Н.Б. Голицыным, П.О. Пирлингом и многими другими сподвижниками Гагарина был опубликован значительный публицистический материал²⁰.

Кроме трудов русских католиков, важным источником являются сочинения их оппонентов – славянофилов Ю.Ф. Самарина, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова²¹.

¹⁹ Чаадаев П.Я. Сочинения. – М.: Правда, 1989 – 656 с.; Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 тт. М.: Наука, 1991 – Т. 1 – 801 с.; Т. 2 – 681 с.

²⁰ Список брошюр и статей русских католиков по теме исследования дан в разделе «Список источников и литературы».

²¹ Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. – М.: Медиум, 1994; Т. 1 – 1994 – 589 с.; Т. 2 – 1994 – 476 с. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979 – 439 с.; Аксаков И.С.

Прямым продолжением чаадаевских идей стало на рубеже веков философско-религиозное творчество Вл.С. Соловьева. В исследовании использован весь комплекс трудов философа, что позволяет увидеть эволюцию соловьевской интерпретации идеи Вселенской церкви²². Некоторую помощь в этом может оказать и эпистолярное наследие философа.

Художественные и публицистические произведения русских писателей. Литературно-критические работы Вл.С. Соловьева также использованы в работе, поскольку остро ставят проблему отражения идеологии всероссийского единства в русской классической художественной литературе²³.

В данном исследовании художественная литература рассматривается не только как отражение идей эпохи, но и как явление в идеологии, сопоставимое с публицистикой по направленности, но неизмеримо превосходящее ее по степени влияния на самые широкие круги читателей. В рамках данной работы автором отобраны те писатели, относительно которых можно говорить о четкой осознанности ими постановки задачи создания основ межнационального единства в конфессиональной форме (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский). Очень интересна переписка П.Я. Чаадаева с А.С. Пушкиным в начале 1830-х гг., когда философ пытается влиять на содержание творчества поэта с позиций вселенского единства.

Существенно важным источником, безусловно, является творчество Л.Н. Толстого от эпопеи «Война и мир» до социальной и религиозной публицистики, которое является хронологически последним этапом участия литераторов в решении наиважнейших вопросов национальной и общественной жизни России XIX века. В то же время религиозная проповедь Толстого оказывается связанной с предшествовавшим периодом развития идеи

[Передовая статья]. // День – 1864 – №12; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 3 т. – М.: Русская книга, 2003–2004 – Т. 1. 2003 – 556 с.; Т. 2. 2004 – 568 с.; Т. 3. 2004 – 595 с.

²² Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. – М.: Правда, 1989. – Т.1 – 684 с.; Т.2 – 736 с.

²³ Он же. Литературная критика. – М.: Современник, 1990 – 421 с.

Вселенской церкви, служа ее своеобразным продолжением, развитием и финалом.

В целом, анализ выбранных произведений наиболее знаменитых авторов, вписанный в общий контекст всей их деятельности, позволяет существенно расширить представления о роли русской художественной литературы в создании межнационального единства Российской империи.

Выявленный и использованный автором диссертации круг источников содержит репрезентативный комплекс информации, позволяющей создать полноценное исследование по выбранной проблематике.

Научная новизна. Данная работа является первым комплексным и системным исследованием проектов, предложенных представителями российской общественной мысли XIX века с целью решения проблемы создания межнационального единства в условиях этноконфессионального многообразия Российской империи при сохранении территориального единства государства и без изменения его социально-политической структуры. Автор доказывает наличие в интеллектуальных кругах российского общества осознанного стремления к решению данного вопроса. В исследовании проанализирована хронологическая эволюция принципов, лежавших в основе предлагавшихся проектов и планов, и показана ее сравнительно-историческая корреляция с общекультурными духовными изменениями в России и в европейском мире. Выявлено, что поиск основ межконфессионального единства шел в осознанном противостоянии с правительственной монархической идеологией, а также с проектами и программами революционного переустройства и этносепаратистских тенденций.

В исследовании выявлены три основных принципа идеологической консолидации большой российской нации на основе «единства в многообразии», лежавших в основе изученных проектов:

1. Принцип экономической заинтересованности в процветании империи всего населения без различия этнической, религиозной и сословной

принадлежности, который ставил целью не повышение благосостояния населения, а соединение народов и исповеданий общим делом;

2. Принцип создания бесконфликтной межконфессиональной общности всех важнейших религий, представленных на территории Российской империи;

3. Принцип опоры на общее историко-культурное прошлое народов России, в том числе на историческую традицию военного сплочения перед лицом общего врага, как на ментальную основу межконфессиональной общности.

Их сущностными характеристиками являлись:

– рационализм, т. е. обращение к разуму, а не чувствам, даже в религиозной сфере;

– практицизм, т. е. стремление достичь максимального эффекта при минимальных изменениях в политической, социальной, экономической и ментальной сферах;

– актуальность, т. е. отклик на наиболее острые проблемы эпохи.

В диссертации обоснован вывод, что при внешнем различии указанных подходов, они исходили из единого идейного основания, приоритетным для которого был принцип межконфессионального всеединства. Данный подход опирался на фактическое отсутствие в российском общественно-политическом дискурсе и менталитете XIX века понятия «национальность», которое заменялось понятием «этноконфессиональность». В такой ситуации была естественна замена идеи межнационального/межэтнического единства идеей межконфессионального единства народов Российской империи.

В работе проанализировано становление и развитие на протяжении XIX века вышеуказанных конфессиональных принципов формирования потенциального межнационального единства. На их возникновение оказывали влияние сепаратистские движения на окраинах империи (прежде всего в Польше, Финляндии и, в первую треть XIX века, в Грузии), резкие перемены правительственного внутривнутриполитического курса, внешнеполитические факторы

(особенно Крымская война), становление национального самосознания народов Российской империи, в том числе ущемленных в гражданских правах по религиозному признаку. По мере роста от начала к концу XIX века идей и практики национализма (как в Европе, так и в России), бывшего серьезным препятствием к установлению желанного межнационального мира, замечается все более существенное внимание к нему со стороны авторов анализируемых проектов. К концу века в публицистике Вл.С. Соловьева достигает апогея критическое восприятие и неприятие самого понятия «национализм», замененного понятием «шовинизм».

Наибольшее внимание в работе уделено концепции Вселенской церкви как доминирующей линии в идеологии межнационального единства XIX века. Автор исследует эволюцию этой общей идеи от внешнеполитической формы интеграции России в западноевропейское сообщество в начале XIX века к внутривнутриполитической форме консолидации народов Российской империи к концу столетия. Выявлены конкретно-исторические факторы, влиявшие на изменение данной концепции, в том числе на протяжении жизни отдельных идеологов вселенского единства: расширение территории России, включение сложных в этноконфессиональном отношении регионов, изменение постановки национального вопроса и вопроса о правах национальных и религиозных меньшинств, а также расширение читательской аудитории от узкодворянской к разночинской и далее к народной (в творчестве Л.Н. Толстого); нарастание революционных и этносепаратистских тенденций; изменение этноконфессионального менталитета; изменение религиозной практики в сторону превалирования индивидуального начала. Вместе с тем столетнее существование данной идеи свидетельствует, что в течение всего XIX века не только в интеллектуальных кругах, но и в широких массах сохранялось представление о возможности решения социальных и национальных проблем через решение проблем конфессиональных, бывшее питательной почвой для большинства предлагавшихся проектов.

В работе впервые увязана интерпретация межнационального единства представителями общественной мысли и русской классической литературы XIX века, исходящая из представления о неразрывной целостности подходов к решению национальных проблем в конфессиональной форме вне зависимости от способа изложения: публицистического или художественного. Это привело к переосмыслению известных литературных текстов, что в значительной степени потребовало коренного пересмотра прежних литературоведческих трактовок и позволило глубже, а часто принципиально иначе, понять идеи и намерения писателей. По-новому рассмотрена проблема использования русского языка как средства межкультурной коммуникации в пределах Российской империи, и обоснована постановка вопроса об обратной зависимости между уровнем художественной речи писателя и его ролью в становлении межкультурных связей народов империи.

В исследовании выявлен осознанный и целенаправленный поиск общественной мыслью XIX века многообразных путей укрепления межнационального единства в Российской империи путем предотвращения конфессиональных конфликтов, революционных потрясений и этносепаратизма. Наличие этого поиска свидетельствует о ее коренном отличии от монархической идеологии, не допускавшей самой постановки данной задачи вне абстрактной концепции единства народов вокруг трона, а также от революционных идей, указанным целям прямо противоречащих. Автором высказано утверждение, что ряд проектов допускал возможность практического применения в данных исторических условиях и мог объективно привести к реальному созданию межнационального единства империи. При этом выявлены конкретно-исторические причины, помешавшие реализации проектов, и причины их не востребоваемости властью и обществом.

Автором исследована концепция межконфессионального единства, имевшая общие для всех изученных проектов исходные постулаты, в которых прослеживается принципиальное отличие российской общественной мысли от

западной. Все предлагавшиеся проекты теоретически допускали распространение лежавших в их основе идей за пределы Российской империи, даже за пределы европейской и христианской цивилизации. Автором делается вывод об актуальности ряда предлагавшихся решений для современного глобализирующегося мира.

Диссертация построена на привлечении большого пласта документальных материалов, включая ранее не введенные в научный оборот архивные источники, и художественных произведений. Материалы диссертации позволяют полнее осмыслить проблему создания идеологии государственного единства в условиях многонационального и поликонфессионального общества, выходящую за рамки истории России XIX века, и уяснить практическую значимость и реалистичность ранее предложенных идейных принципов на современном этапе развития государства и общества.

Практическая значимость работы состоит в возможности ее использования при написании работ по истории общественной мысли России XIX века, по истории русской литературы, по истории философии России XIX века, для изучения роли российской интеллектуальной элиты в формировании международного образа России. Работа может использоваться для изучения истории межэтнических и межрелигиозных отношений в России с выявлением практически пригодных проектов этноконфессиональной консолидации общества. Также собранные материалы и их оценка могут использоваться при создании лекционных курсов и спецкурсов по указанной проблематике.

Апробация работы. Основные результаты исследования отражены в четырех монографиях автора и большом количестве статей, учебных пособий, неоднократно излагались в выступлениях на международных научных конференциях и «круглых столах», а также использовались при подготовке программ лекционных курсов, в том числе междисциплинарных, спецкурсов и спецсеминаров.

Структура исследования. Работа состоит из введения, обзора историографии и источников, семи глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность и научная новизна работы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, ее теоретические и методологические основы. Разделы «Обзор литературы» и «Обзор источников» характеризуют степень изученности темы и источниковую базу исследования.

Первая глава «Идея христианского всеединства в России первой четверти XIX века» рассматривает возникновение и развитие идеи всеединства в свете международных и российских этноконфессиональных проблем. В разделе «Возникновение идеи всехристианского единства в России XIX века» выявлены идейные истоки данного направления, восходившие к концепции «единой христианской нации», лежавшей в основе международной политики Александра I. Показывается зарождение дано идеи и ее развитие под влиянием личной религиозности царя и деятельности Ордена иезуитов и его апологетов. Особое внимание уделено борьбе мистицизма и рационализма в вопросах религии в контексте их отражения в дальнейшей истории русского католицизма, внесшего рационалистический и практически-политический подход в постановку проблемы религиозного единства.

Раздел «Переход в католицизм и проблема смены этноконфессионального сознания» рассматривает проблему трансформации этноконфессионального сознания при смене религии на примере русских католиков и ее политические последствия. В параграфе «*Иезуиты в России и их роль в становлении русского католицизма*» показана связь между пропагандой воссоединения церковей Орденом иезуитов в начале XIX века и восприятие идеи воссоединения

новообращенными русскими. Русские католики становятся наиболее последовательными борцами с теорией «официальной народности», ущемлявшей права иноверцев в империи, но одновременно сторонниками государственной целостности, стремившимися искоренить революционность и этносепаратизм не насилием, а продуманной идеологической политикой. Параграф *«Проблема православной воцерковленности»* раскрывает существенное для многих русских католиков сомнение в истинности православной церкви и возможности спасения через нее, бывшее важным фактором многих обращений. В параграфе *«Русское духовенство и русское дворянство – полярные миры одной конфессии»* выявлены причины, по которым православное духовенство не могло победить указанные сомнения части дворян. В параграфе *«Переход в католицизм и поиск путей религиозного примирения»* показана мучительность смены веры даже при искренней убежденности в правильности этого шага, т.к. была связана с коренной сменой этноконфессионального сознания. Негативная реакция на принятие католицизма со стороны семьи, власти и общественности делала русских католиков убежденными сторонниками идеи соединения церквей в форме Вселенской церкви, которая снимала бы проблему разрыва с родной средой и упреки в непатриотизме. Итогом этого стремления стало наиболее активное участие именно русских католиков в деле создания всехристианского единства уже как средства решения не международных, а внутренних задач.

Отдельно выделен раздел *«Гендерный аспект русского католицизма»*, связанный с преобладающим участием в начале XIX века в нем женщин, увидевших в служении делу межконфессионального сплочения форму своего участия в общественной жизни, недоступную им в других сферах. Их стремление к активным формам общественной деятельности привело к пропаганде всеединства на данном этапе в форме создания салонов, устной пропаганде среди круга родных и знакомых, а не публицистической форме. Это привело к ограниченности сторонников всеединства, среди которых однако оказалось много знатных и влиятельных лиц.

Глава вторая «Поиск основ межконфессионального единства Закавказья во второй половине 1820-х гг. (проект А.С. Грибоедова)» посвящен идейным истокам и конкретному содержанию проекта Закавказской компании А.С. Грибоедова как оригинального пути решения межконфессиональных проблем региона Закавказья и Персии. Раздел «Межконфессиональное единство как исходная точка проекта Закавказской компании» показывает, что первоначальным замыслом Грибоедова был поиск конфессионального пути соединения христианских и мусульманских народов в одном из самых сложных регионов их пересечения в форме надконфессиональной общности. В этой идее проявилась общая тенденция эпохи к решению проблемы межнационального единства в конфессиональной форме. Дальнейшая эволюция взглядов Грибоедова в сочетании со сменой политической ситуации в Закавказье рассмотрена в разделе «Грибоедовский проект Российской Закавказской компании», который содержит подробный источниковедческий анализ проекта и его места в предшествующей историографии. Доказывается необходимость пересмотра прежних научных оценок комплекса идей А.С. Грибоедова. Конкретное содержание предлагавшихся Грибоедовым мер раскрыто в разделе «Новизна Проекта в решении проблем Закавказья», где показана исключительная сложность его этноконфессиональных проблем и их понимание Грибоедовым. На основе всестороннего анализа показаны новизна и оригинальность замысла проекта, конкретные пути решения его обширных задач и простота их воплощения в жизнь.

В разделе «Решение национальных проблем и этносепаратизма Закавказья в Проекте» показана уникальная идея преодоления национальной и конфессиональной вражды в наиболее сложном регионе Российской империи при сохранении государственного и общественного строя путем объединения его населения материальной заинтересованностью в развитии края; формирования основ культурного единства путем распространения

просвещения, повышения земледельческого уровня, развития современной промышленности, расширения международной торговли. Проект не предусматривал никаких преимуществ для представителей определенных национальностей или религий, что представляло огромный шаг вперед в сравнении с правительственной политикой; накрепко привязывал Закавказье к остальной территории России, исключая возможный этносепаратизм. Обоснован вывод, что из Проекта вытекала принципиальная возможность введения федеративного устройства Российской империи при незыблемости территориальной целостности, монархической власти и традиционной социальной структуры. Вместе с тем показывается, что идея Проекта вышла из предшествующей идеи Грибоедова о создании межрелигиозного единства. Наконец, существенно важно, что в Проекте Грибоедова произошел отказ от идеи всехристианского единства в пользу соединения христианства в целом и ислама (пока только применительно к Закавказскому региону), что связывает ее с последующей концепцией Вселенской церкви П.Я. Чаадаева.

Глава третья «Вселенская церковь как форма межконфессионального единства России в 1830-е гг. (концепция П.Я. Чаадаева)» показывает дальнейшую эволюцию подходов к укреплению межконфессионального единства, которое в трудах П.Я. Чаадаева вылилось в концепцию Вселенской церкви для всей России. Раздел «Актуальность и практическая направленность "Философических писем"» посвящен анализу комплекса философского, публицистического и эпистолярного наследия философа, впервые сделавшего идею всехристианского единства достоянием широкой общественности в России. Поставлена проблема социальной адресности его «Философических писем» в связи с их созданием на французском, а не русском языке. Особое внимание уделено связи между выступлением Чаадаева и восстаниями 1830 г. во Франции и Польше. Эти события спровоцировали стремление Чаадаева к немедленной публикации его писем, т. е. его философская система в его глазах является обращенной не на отдаленное будущее, не абстрактной, а

животрепещуще актуальной. Он осуждает революционные выступления, и провозглашает основы новой веры, призванной «завершить судьбы рода человеческого» и навсегда предотвратить межнациональные и революционные конфликты. При этом в своих основах она была обращена в первую очередь к решению проблем России.

В разделе «Консолидация важнейших конфессий России во Вселенской церкви» на основании изучения комплекса идей философа делается вывод, что проводимая Чаадаевым идея Вселенской церкви не имела прокатолического характера и была подчеркнута «антибиблейской», т. е. рассматривала догматы христианства как устаревшие и требующие коренного реформирования с целью примирения важнейших конфессий Российской империи – православных, католиков, протестантов, иудеев и мусульман. Автором поставлен вопрос о степени взаимовлияния Грибоедова и Чаадаева, тесно общавшихся с самого детства. Указано, что на протяжении дальнейшей истории идеи Вселенской церкви в ней находили отражение личный опыт ее сторонников и окружавшая их историческая ситуация. В то же время Чаадаев, у которого «исламизм» оказывается в высшей степени положительным явлением, поскольку приготовил колоссальное население земного шара к пониманию «идеи единого Бога и всемирного верования», лично с ним не сталкивался и, возможно, воспринял часть идей Грибоедова, хотя интерпретировал их иначе. Чаадаев поставил целью решение одновременно социальных, национальных и конфессиональных проблем империи, воспринимая эту цель как подчеркнута патриотическую и не оппозиционную. На смену враждующим религиям и разобщенным народам должно было прийти «единство в многообразии». Влияние польских событий проявилось в том, что Чаадаев ставил главной задачей предотвращение возможного этносепаратизма в империи в будущем, что имело отчетливый смысл создания основ национально-государственного единства. Одновременно он рассчитывал на решение путем введения Вселенской церкви внешнеполитических проблем страны, поскольку, по его представлениям,

конфессиональное единство исключает конфликты между народами как внутренние, так и внешние.

Из концепции Чаадаева вытекала неизбежность отмены крепостного права, т. к. христианская этика исключает владение человеком (если в России оно сохраняется, причина в отсутствии этой христианской этики у православной церкви), и духовная свобода личности, фактически свобода совести, т. к. перед лицом вселенского христианства любые конфессиональные отличия теряют значимость. Для достижения данной цели было достаточно воссоединить православную церковь с католической (все прочие конфессии неизбежно добровольно присоединятся к этому союзу). Воссоединение должно сохранить все обряды, язык и традиции православия, что потребует реформ не только русской, но и римской церкви. Однако способ достижения цели распространения наднационального всеединства у Чаадаева практически не раскрыт.

Глава четвертая «Воздействие концепции П.Я. Чаадаева на общественное мнение России и Европы в 1840-е–1850-е гг.» показывает эволюцию восприятия идей Чаадаева в России и Европе в связи с их недостаточной известностью и искажением под влиянием различных причин. Одним из способов популяризации идей философа, ставшей итогом планомерных и целенаправленных действий его самого и его единомышленников, оказалась книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году». В отдельных разделах рассмотрены взгляды главных вдохновителей и «соавторов» Кюстина: А.И. Тургенева и кн. П.Б. Козловского, по просьбе Тургенева оказавшего определяющее воздействие на формирование взглядов маркиза и на само содержание его книги. В разделе «Кюстин как идеальный соавтор» объяснены причины выбора этого писателя для популяризации чаадаевской концепции в России и Европе. Наибольшее значение для француза приобрели те стороны учения Чаадаева в интерпретации Козловского, которые носили внешне прокатолический характер, что нашло отражение и в «Резюме путешествия», где

впервые была обнародована судьба философа после публикации его первого «Философического письма».

Раздел «Отражение идей Чаадаева Кюстином и их восприятие читателями» показывает, как огромная популярность книги Кюстина привела к популяризации чаадаевского понимания всеединства, но при этом способствовала формированию негативного образа православной России в Европе. В интерпретации француза идеи Чаадаева превратились в призыв к объединению России и Европы под духовной властью папы римского во избежание политического и военного противостояния. Однако среди европейцев, напуганных перспективой сближения с варварской, деспотической и мощной державой, она стала формой популяризации прямо противоположных настроений. Воскрешение идеалов Священного Союза казалось бесполезным на фоне международных противоречий. Идея всеевропейского религиозного единства оказалась навеки похоронена, подорванная, конечно, не Кюстином, а прежде всего внешней и внутренней политикой Николая I, но доведенная до сознания широкой публики именно Кюстином и сохранившаяся в европейской культурной памяти по сей день как представление о принципиальном различии России и Запада.

Русские читатели в книге увидели прямой вызов российскому политическому, общественному и религиозному строю, с предложением коренных в нем перемен, — хотя и без указания способов достижения данной цели. Однако прямолинейный и примитивный по форме призыв Кюстина к переходу православной церкви под власть римского папы не мог произвести благоприятного впечатления на российских читателей, даже прокатолически настроенных. Зато на первый план в глазах русских читателей вышла «чаадаевская» часть книги: открытая критика духовной зависимости русской православной церкви, ее непротivления злу крепостничества, ее молчаливое принятие преследований инославных подданных империи и иноверцев. Будучи жестко увязана Кюстином с критикой николаевского режима, критика

православной церкви (не религии!) служила одновременно призывом к борьбе за реформы во всех сферах российской жизни.

Можно сказать, что «Россия в 1839 году» сформировала представление об альтернативе сложившейся теории «официальной народности» именно в форме отказа от ее православной составляющей, что автоматически означало ее полный пересмотр в пользу межконфессионального единства народов империи.

Глава пятая «Проекты организации Вселенской церкви в России 1850–1870-х гг.» рассматривает идеологическую и практическую деятельность наиболее последовательных сторонников практического воплощения концепции Чаадаева в жизнь с целью межконфессиональной консолидации общества как единственного средства предотвращения социальных революций и этносепаратизма: И.С. Гагарина и его сподвижников. В разделе, посвященном И.С. Гагарину, раскрываются причины, заставившие его стать ярчайшим представителем практического всеединства и их связь с общим направлением в русском либерализме 1830–1840-х гг. Особое внимание уделено разделу «Полемика русских католиков и славянофилов по вопросам Вселенской церкви», в ходе которой оформились оба общественных течения. Интересен вопрос, поднятый в переписке Самарина и Гагарина и продолженный позднее Хомяковым, о сравнительной значимости разных религий и их цивилизационной роли, т.е. фактически вопрос о степени «вселенскости» предполагаемого религиозного всеединства, путь к которому равно искали и католики, и православные. Обосновывается, что по своему положению эмигрантов русские католики не могли обратить внимание на исламский и еврейский вопрос в России, что стало шагом назад в сравнении с антибиблейской концепцией Чаадаева, однако именно они поставили вопрос о всехристианском единстве в России во всей полноте: с учетом прав старообрядцев и униатов.

В разделе «Попытки реализации Вселенской церкви на практике» на основании анализа публицистического комплекса русского католицизма и деятельности его носителей выявляется конкретный план политического

соединения православной и католической церковей через договор императора и папы. Пропаганда этого соединения теснейшим образом связана с проведением демократических реформ 1860-х гг. как их неотъемлемая и важнейшая часть. Переход под духовную власть папы без ущемления прочих свобод и обычаев русской церкви и ее паствы видится как единственное средство предотвращения народной революции в России и межконфессиональных конфликтов в форме польского сепаратизма и униатского движения.

При этом понятие Вселенская церковь претерпело изменения в соответствии с либеральной эпохой Александра II, приобретя характер осознанной оппозиции правительственной политике русификации национальных окраин и дискриминации населения по религиозному признаку. Одновременно фигура царя как инициатора и оплота межконфессионального единства оказывается в центре предлагавшихся русскими католиками проектов, что приводит к их исчезновению после смены правительственного курса. Интерпретация вселенскости в трудах Гагарина и его сподвижников претерпевает принципиальные изменения, все более переориентируясь на решение внутривнутриполитических задач России и отходя от чаадаевского курса на одновременное включение России в семью европейских народов путем установления межконфессионального единства. Из этих задач, кроме борьбы с революциями и этносепаратизмом, важны для русских католиков: отказ от традиционного для империи этноконфессионального детерминизма в пользу свободы выбора религии, а следовательно, и веротерпимости в целом; фактическое разделение веры как фактора сознания ее носителей, не подлежащую контролю, и церкви как внешнего атрибута межконфессионального единства, осуществляющего нечто вроде политического контроля над соблюдением прав и свобод верующих. Вместе с тем сохранение римского папы как зримого воплощения вселенского единства стало ключевой ошибкой построений русских католиков и определило невостребованность их идей и проектов российской властью и обществом.

Глава шестая «Эволюция идеи Вселенской церкви в 1880–1890-е гг.»

рассматривает дальнейшую эволюцию интерпретации вселенскости после гибели Александра II. С началом правления Александра III, ознаменованного острейшим социальным кризисом внутри России и ростом этносепаратизма элит на окраинах империи, проблема межнациональной и социальной консолидации стала еще более актуальной, и по-прежнему чаще всего воспринималась как проблема межконфессиональной консолидации народов империи. Соответственно, идеал Вселенской церкви не мог быть забыт, но должен был приобрести иное звучание в условиях консервативной политики правительства, расширения территории страны за счет Средней Азии, экономического роста при сохранении устаревшей религиозной дискриминации многих народов. Наибольшее внимание уделено комплексу публицистического и эпистолярного наследия Вл.С. Соловьева как наиболее последовательного и знаменитого пропагандиста идеи Вселенской церкви, призванной разрешить указанные проблемы.

В разделе «Историческая миссия русского народа и всехристианское единство» показано исходное отличие соловьевской интерпретации всеединства от чаадаевского/гагаринского, поскольку не Россия должна приближаться к уровню европейских свобод, а поднимать остальной мир до своего понимания значимости вселенскости. Рубежом в духовном развитии Соловьева стало 1 марта 1881 г., причем он становится решительным противником не царубийства, а мщения за него в виде возобновления смертных казней в России, которые рассматривает как антихристианский акт, допускающий даже отказ подданных от повиновения нехристианской власти. Одновременно последовательно порицается принцип любого насилия как противоречащий «сущности христианства».

Следующий этап эволюции взглядов философа рассмотрен в разделе «Вселенская церковь и национализм», где вселенское единство (включающее как все христианские, так и другие монотеистические религии России)

становится важнейшим лекарством от националистических тенденций эпохи, которые Соловьев делает главным объектом резкой критики до конца своей жизни. В данном случае его критика национализма распространяется не только на Россию, но и на весь мир, раскалывающийся на военные блоки. В частности, Соловьев увидел в самом зародыше опасность идеологии культурного превосходства германской нации. Только в христианстве национализм и одновременно революционное насилие устраняются. При этом Соловьев своеобразно увязывает вселенское христианство с решением еврейского вопроса, одного из важнейших для него наряду с польским.

В конечном выражении это становится основой положительной программы философа, рассмотренной в разделе «Слияние русского мессианства и борьбы с национализмом в „русскую идею”». Здесь впервые в идеал Вселенской церкви Соловьев вносит нечто новое: борьбу за контроль общества над государством и духом политики «национальных интересов» не только в России, но и во всем мире, причем именно Россия, добившись свободы для себя, должна нести ее в мир. Вопрос о личной религиозности Соловьева является дискуссионным и разобран в разделе «Владимир Соловьев и русский католицизм», где доказывается невозможность установления жесткой детерминации между конфессиональной принадлежностью и борьбой за введение Вселенской церкви как надрелигиозного института.

Раздел «Завершающий этап соловьевской концепции Вселенской церкви» показывает, что в комплексе публицистических работ Вл.С. Соловьева Вселенская церковь стала средством преодоления нескольких ключевых для него зол: национализма как общей мировой тенденции эпохи конца XIX века; национализма внутрироссийского, переходящего в великорусский шовинизм; антисемитизма внутри Российской империи. Понятие «национализм» у Соловьева – однозначно отрицательное во всех своих проявлениях. Он противопоставляет ему «народность» как форму сохранения национальной самобытности и национальных интересов без ущемления самобытности и

интересов других народов. При этом скрупулезный анализ всего творчества философа позволяет увидеть эволюцию его интерпретации вселенскости в зависимости от внутривполитических проблем России и ее места в системе внешнеполитических связей. Фактически в ней соединились чаадаевское представление о необходимости воссоединения всех конфессий России (с существенным расширением их списка за счет иудаизма, мало затронутого Чаадаевым) и гагаринский практицизм в подходе к организации всеединства.

При этом воздействие эпохи нашло свое отражение в простоте и некоторой легкости в представлении Соловьева о возможности достижения цели. Вселенская церковь, по Соловьеву, *уже существует* как форма глобального соединения всех лучших духовных сил человечества, воплощенная во всех мировых и национальных религиях. И единственной задачей человечества является осознание приоритета общечеловеческого над национальным в форме прежнего, но понятого расширительно, «единства в многообразии».

Глава седьмая «Межконфессиональное единство в контексте русской классической литературы» рассматривает русскую классическую литературу с точки зрения ее вклада в обеспечение этноконфессионального мира в России. Первая тема была поднята еще Вл. Соловьевым и рассмотрена в разделе «Русская классическая литература: национальность и всечеловечность». В его представлении русская литература должна быть наднациональной по природе чтобы служить делу сплочения народов империи. Однако предпринятый им анализ нуждается в расширении за счет включения темы воспитания патриотизма большой российской нации.

В этой связи наиболее значимой оказывается проблема, рассмотренная в разделе «Русский язык как средство межкультурной коммуникации». Она ярко отражена в дискуссии И.С. Гагарина и Ю.Ф. Самарина по поводу языка как универсального орудия (Гагарин) или уникального и непереводаемого национального способа мыслить (Самарин). Отсюда вытекает постановка проблемы обратного соотношения языкового мастерства писателя и его роли в

деле межкультурной интеграции: высокохудожественная речь делает творчество писателя малодоступным за пределами его родной языковой среды.

В разделе «Проблемы религиозности в творчестве русских писателей» конкретные выступления по национальной и религиозной проблематике таких писателей как Пушкин, Гоголь, И. Тургенев, Достоевский и многие другие рассматриваются сквозь призму соотношения художественного и публицистического в их творчестве, а также взаимозависимость правительственной этноконфессиональной политики и художественной литературы. Существенна для темы попытка Чаадаева привлечь Пушкина к делу пропаганды всеединства и выяснение причин ее неудачи. Однако и не коснувшись межконфессиональных проблем, Пушкин внес определяющий вклад в превращение русского языка из языка межэтнического общения в язык межкультурного общения, а потом и в общий язык культуры народов, населявших Российскую империю. Анализ творчества и публицистики наиболее религиозных по духу писателей Гоголя и Достоевского позволяет сделать вывод о неоднозначности, а отчасти неосознанности их представлений о межнациональных и межконфессиональных проблемах.

В разделе «Идеология национального примирения Л.Н. Толстого» анализируется многообразная деятельность и творчество Л.Н. Толстого, которое идеально отвечало требованиям, предъявляемым к языку писателя, желающего нести слово не одному русскому народу, но всем народам России и мира. Впервые национальная проблематика с наибольшей силой должна была отразиться в романе «Война и мир», которому уделено большое внимание в свете стремления писателя сгладить имеющиеся огромные национальные противоречия путем забвения давнего и недавнего прошлого и его обдуманная проповедь социального единства. Здесь же впервые ярко прозвучала тема ненасилия, противоречившая сюжетным основам произведения, но ставшая позднее основой толстовской проповеди религиозного мира.

В разделе «Проблема межнационального единства в религиозной проповеди Толстого» показаны сходство и различие религиозной проповеди Толстого и последнего этапа развития идеологии вселенскости. При этом показывается историческое единство предпосылок толстовских и соловьевских идей межконфессионального единства, лежащее в политике реакции 1880-х гг. и связанной с проповедью ненасилия в разных формах. Обращение Толстого к представителям всех конфессий во имя преодоления социальной и национальной розни внутри России и во имя сглаживания международных конфликтов во многом схоже с проповедью идеи Вселенской церкви. Отличие проявляется в нравственно-этических, а не политических обоснованиях необходимости отказа от церковной жизни; в огромном внимании к Библии, особенно к Евангелию, что представляется шагом назад по сравнению с антибиблейской позицией П.Я. Чаадаева; в принципе личной веры, не исключающей, но не требующей церковной организации; в идеях пацифизма при сохранении патриотических и национальных чувств.

В **Заключении** подведены итоги исследования. Автор делает вывод, что все рассмотренные проекты и планы ставили главной целью сохранение сложившегося социально-политического строя Российской империи при одновременной ликвидации основ национальной и социальной дискриминации и практически все сводили национальный вопрос к этноконфессиональному и в той или иной форме разрабатывали идею межрелигиозного единства как средства укрепления государственности и предотвращения социальных революций и этносепаратизма. Таким образом, можно констатировать наличие единой линии развития концепции национальной и этноконфессиональной консолидации в России XIX века, в основе сохранения которой лежали общность идейных традиций и сходство оценок исторической ситуации в стране и ее роли в мире. Некоторые проекты при элементах утопичности имели практическую значимость и могли быть осуществлены при минимальных изменениях существующего строя или вовсе без изменений. Однако ни один не

был применен на практике, чему помешала как политика правительства в национальном и особенно в конфессиональном вопросах, так и в ряде случаев ошибки самих авторов проектов

В начале XIX века сложилась идея всехристианского единения европейских государств как основа международной политики России, призванной служить опорой стабильности мира против военных конфликтов и национально-освободительных движений. В самой России стремление Александра I к всеединству было поддержано Орденом иезуитов и его апологетами, превратившись в идею соединения православной и католической церквей. В высшем русском обществе это соединение стало пониматься как призыв к освобождению русской православной церкви от власти правительства и как призыв к реформе внутри церкви для повышения ее духовного престижа. На этой стадии огромную роль в пропаганде всеединства играли великосветские русские дамы-католички.

Увлечение Александра I мистицизмом, затем вступление на престол Николая I на фоне поражения декабристов завершили первый период надежд русского общества на воссоединение церквей по инициативе императорской власти. Вместе с тем присоединение сложнейшего в конфессиональном и национальном отношении Закавказья, а также усиление сепаратистских настроений в Царстве Польском накануне 1830 г. сделали проблему укрепления этноконфессиональных связей внутри Российской империи особенно острой. Одним из наиболее оригинальных и продуманных проектов решения данной проблемы был предложен А.С. Грибоедовым, но не был осуществлен из-за его гибели. В этом проекте произошел отказ от концепции всехристианского единства в пользу соединения христианства в целом и ислама (в рамках одного региона), что отразило изменение исторической ситуации и территории России.

После восстания в Польше 1830 г. острота этноконфессиональной проблемы была наиболее четко осознана П.Я. Чаадаевым и вызвала его стремление к немедленной публикации "Философических писем". Выдвинутая

Чаадаевым концепция Вселенской церкви как формы надрелигиозного соединения всех важнейших религий России и их освобождения от власти правительства через подчинение папе оказалась наиболее долговечной, поскольку отвечала историческим потребностям империи во всех ее регионах. Недоступность сочинений Чаадаева, их популяризация и искажение (в том числе благодаря книге А. де Кюстина) вызвали окончательное исчезновение идеи всехристианского единства как средства решения международных проблем, но усилили стремление к решению внутренних межконфессиональных проблем России через введение Вселенской церкви.

Переход части русских православных в католицизм поставил вопрос о смене этноконфессионального сознания, поскольку после 1830 г. понятия «католик» и «поляк» стали практически синонимами в общественном дискурсе, и только переход в католичество позволял осознать отсутствие жесткой этноконфессиональной детерминации. В 1850-е–1870-е гг. плеяда русских католиков приложила много усилий к практическому осуществлению чаадаевского идеала Вселенской церкви, видя в нем прежде всего одну из важнейших демократических реформ, призванную ввести свободу мысли и свободу совести в России, а также уравнивать в правах представителей всех христианских конфессий. Однако преимущественно заграничная жизнь помешала русским католикам заметить наличие исламского и еврейского вопросов, что стало шагом назад в сравнении с позицией Чаадаева. В то же время деятельность И.С. Гагарина и его современников к П.О. Пирлингу, Л. Зайн-Виттгенштейн, Е.Г. Волконской служит необходимым связующим звеном между чаадаевской идеей Вселенской церкви и ее восприятием Вл.С. Соловьевым.

В публицистике Вл.С. Соловьева данная идея после ряда этапов приобрела окончательное воплощение с учетом остроты социальных вопросов в конце XIX века и важности незамедлительного преодоления этноконфессиональной дискриминации и этносепаратизма в стране. Единственным средством введения

Вселенской церкви у Соловьева стал призыв к ее личному духовному признанию всеми людьми и народами.

Наиболее ярко представление о личном духовном соединении отдельных лиц без различия вер, сословий, интеллектов и родов занятий получило в религиозной проповеди Л. Толстого, которое по своей евангельской терминологии стало существенным шагом назад в сравнении с чаадаевской концепцией, но благодаря великому таланту писателя и его всемирной славе получило широчайший резонанс во всем мире, доказав принципиальную возможность упований Соловьева.

В настоящее время эти идеи имеют не только исторический интерес. Вселенская церковь как форма глобального соединения всех лучших духовных сил человечества, воплощенная во всех мировых и национальных религиях, прямо соотносится с современной ситуацией глобализирующегося мира. И единственной задачей человечества продолжает оставаться осознание приоритета общечеловеческого над национальным в форме понятого расширительно «единства в многообразии».

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Цимбаева Е.Н.* Русские соавторы «России в 1839 году» маркиза де Кюстина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1994. – № 1. – С. 39–54. (1,1 п.л.)
2. *Цимбаева Е.Н.* Я мало видел, но многое угадал // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 79–85. (0,7 п.л.)
3. *Цимбаева Е.Н.* А. де Кюстин – «Резюме путешествия» (предисловие к публикации, перевод и комментарии *Цимбаевой Е.Н.*) // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 86–109. (3 п.л.)
4. *Цимбаева Е.Н.* Архив Славянской библиотеки Парижа (опыт описания) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1995. – № 6. – С. 86–94. (1,3 п.л.)
5. *Цимбаева Е.Н.* Путь исканий князя Ивана Гагарина // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 133–137. (0,7 п.л.)
6. *Цимбаева Е.Н.* Дневник И.С. Гагарина (предисловие к публикации, перевод и комментарии *Цимбаевой Е.Н.*) // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 138–145. (0,7 п.л.)
7. *Цимбаева Е.Н.* Леонид Эллер, Мишель Нике. История утопии в России // Вопросы философии. – 1996. – № 12. – С. 148–152. (0,5 п.л.)
8. *Цимбаева Е.Н.* Русские католики: смена вер // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1997. № 6. – С. 39–61. (1,5 п.л.)
9. *Цимбаева Е.Н.* «Гендер» как категория исторического анализа // Вестник Моск ун-та. Сер. 8. История. – 1999. – № 3. – С. 130–141. (1 п.л.)

10. *Цимбаева Е.Н.* Русские неокатолики: кризис веры // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 2000. – №3. – С. 27–35. (1 п.л.)
11. *Цимбаева Е.Н.* Художественный образ в историческом контексте // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 98–139. (2,4 п.л.)
12. *Цимбаева Е.Н.* Дело Сухово-Кобылина // Вопросы литературы. – 2003. – № 6. – С. 358–361. (0,3 п.л.)
13. *Цимбаева Е.Н.* Исторический контекст в художественном образе // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 175–215. (2,5 п.л.)
14. *Цимбаева Е.Н.* Государственный проект А.С. Грибоедова. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. – 2004. – № 2. – С. 122–147. (1,6 п.л.)
15. *Цимбаева Е.Н.* В.С. Парсамов. Декабристы и Франция. // Российская история. – 2012. – № 6. – С. 196–199. (0,4 п.л.)
16. *Цимбаева Е.Н.* Обыкновенная история католика-анархиста // Российская история. – 2013. – № 2. – С. 200–205. (0,7 п.л.)
17. *Цимбаева Е.Н.* «Великий и могучий...» Не слишком ли могучий? // Родина. – 2014. – № 9. – С. 20-22. (0,7 п.л.)

Монографии:

18. *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. – М.: URSS, 1999. – 197 с. (11 п.л.)
19. *Цимбаева Е.Н.* Грибоедов. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 545 с. (30 п.л.); Изд 2-е, расширенное и дополненное. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 630 с. (33 п.л.)
20. *Цимбаева Е.Н.* Исторический анализ литературного текста. – М.: УРСС, 2005. – 177 с. (11,5 п.л.)
21. *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 217 с. (13,1 п.л.)

Разделы в коллективных монографиях:

22. *Цимбаева Е.Н.* Российское зарубежье XIX века // Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999. – С. 29–54. (1,5 п.л.)

23. *Цимбаева Е.Н. (Tsimbaeva E.)* Die russischen katholischen Frauen und die Herausbildung der nationalen Idee in Russland im 19. Jahrhundert // Geschlecht und Nationalismus in Mittel- und Osteuropa 1848 – 1918 / hrsg. von S. Kemlein – Osnabrueck – 2000. – P. 147–163. (1 п.л.)

24. *Цимбаева Е.Н.* «Философические письма» П.Я. Чаадаева (Истоки экуменизма) // Очерки русской культуры XIX века. Т. IV. Общественная мысль. – М., МГУ, 2003. – С. 153–163. (0,6 п.л.)

Другие научные публикации по теме диссертации:

25. *Цимбаева Е.Н.* Резюме путешествия маркиза де Кюстина в Россию в 1839 году // История в лицах. – Череповец, 1993. (2 п.л.)

26. *Цимбаева Е.Н.* Рец.: Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001 (на нем.яз.). // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2004. 52. – P. 121–123. (0,3 п.л.)

27. *Цимбаева Е.Н.* Иезуиты XVIII века и их влияние на формирование русского католицизма // Россия и иезуиты. 1772–1820. – М.: ИВИ РАН, 2006. – 341. – С. 307–325 (1,5 п.л.)

28. *Цимбаева Е.Н.* Автор против героев // Историк и художник. 2007. №4 (14). – С. 107–123. (1,5 п.л.)

29. *Цимбаева Е.Н.* А.С. Хомяков в полемике славянофилов и русских католиков по вопросам Вселенской Церкви. // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. /По материалам международной научной конференции, 14–17 апреля 2004 г., Москва. Т. I. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 728 с. – С. 433–437. (0,3 п.л.)

30. *Цимбаева Е.Н.* Проповедь национального единения. Историософия Льва Толстого // Историк и художник. 2008. № 3 (17). – С. 61–74. (1,3 п.л.)

31. *Цимбаева Е.Н.* Религия как основа национальной идентичности в западных губерниях Российской империи // Постоянно действующий «круглый стол» Государственного учреждения г. Москвы «Московский дом национальностей». – М.: ГУ МДН, 2008. – С. 51–58 (0,9 п.л.)

32. *Цимбаева Е.Н.* Россия № 2 – и другие. // Слово ученикам. К юбилею ректора РГГУ Е.И. Пивовара. – М.: МГУ, 2009. – С. 5–27 (0,5 п.л.)